

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

ЭПИДЕМИИ АНТИЧНОГО МИРА И РЕЛИГИИ СПАСЕНИЯ

Михель Дмитрий Викторович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор, доктор философских наук, ORCID: 0000-0003-2250-1626, e-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Михель Ирина Владимировна, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент, кандидат философских наук, ORCID: 0000-0002-2916-4653, e-mail: irinamikhel@yandex.ru

Смолькин Антон Александрович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент, кандидат социологических наук, ORCID: 0000-0001-9075-7290, e-mail: antonpsevdonimov@mail.ru

Москва, 2021

Аннотация

Целью исследования является анализ истории эпидемий в античном мире и осмысление их последствий в связи с возникновением религий спасения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта управления социальными процессами в условиях сложных эпидемиологических ситуаций и выработки ответа российского общества на новые большие вызовы, связанные с распространением эпидемий опасных болезней.

Новизна исследования состоит в оригинальности выдвигаемой гипотезы, согласно которой ряд социальных институтов и связанных с ними форм общественного сознания появляются в условиях вызова обществу со стороны эпидемий и символизируют собой форму социального ответа на эти вызовы. Исследование проводилось с использованием письменных исторических источников, прежде всего работ античных языческих и христианских историков, а также новейших научных исследований по истории эпидемий в античном мире, выполненных современными историками. В ходе исследования были использованы **методы** исторического знания: проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный. Теоретической базой исследования является методология глобальной истории. **Выводы** исследования состоят в следующем. Эпидемии всегда становились вызовом для всякого общества, вынуждая его искать на него подходящую форму ответа. Отличительной чертой эпидемий античного мира было то, что они не только нанесли огромный ущерб существующим социальным системам и политическим институтам, но и породили к жизни новые формы религиозности. Эпидемия «афинской чумы» V в. до н.э. способствовала упадку Афинской морской империи, вызвав к жизни новый религиозный культ — культ бога врачевания Асклепия, ставший религией спасения у греков до прихода христианства. «Антонинова чума» и «Киприанова чума» (II–III вв.) вызвали кризис Римской империи, способствовал распространению христианства в Средиземноморье. «Юстинианова чума» (VI–VIII вв.) способствовала подрыву могущества Византийской империи и распаду Персидской империи, исчезновению христианства и распространению ислама Ближнем Востоке.

Ключевые слова: эпидемии, всемирная история, кризисы, античность, религии

спасения, культ Асклепия, христианство, ислам.

Коды JEL Classification N01

RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
(RANEPA)

EPIDEMICS OF THE ANCIENT WORLD AND
RELIGIONS OF SALVATION

Dmitry Mikhel, Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Professor, Doctor of Philosophy, ORCID: 0000-0003-
2250-1626, e-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Irina Mikhel, Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Docent, Candidate of Philosophy, ORCID: 0000-0002-2916-
4653, e-mail: irinamikhel@yandex.ru

Anton Smolkin, Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration, Docent, Candidate of Sociology, ORCID: 0000-0001-
9075-7290, e-mail: antonpsevdonimov@mail.ru

Moscow, 2021

Abstract

The aim of the study is to analyze the history of epidemics in the ancient world and comprehend their consequences relating to the emergence of salvation religions. The relevance of the study is due to the need to comprehend the historical experience of managing social processes in complex epidemiological situations and developing the response of Russian society to the new great challenges associated with the spread of epidemics of dangerous diseases. The novelty of the study lies in the originality of the hypothesis, according to which several social institutions and related forms of social consciousness appear in the conditions of challenge to society from epidemics and symbolize a form of social response to these challenges. The study was conducted using written historical sources, primarily the works of ancient pagan and Christian historians, as well as the latest scientific research on the history of epidemics in the ancient world, carried out by modern historians. During the study, the following methods of historical knowledge were used: problem-chronological, historical-genetic, historical-typological, historical-comparative, historical-systematic. The theoretical basis of the study is the methodology of global history. The conclusions of the study are as follows. Epidemics have always been a challenge for any society, forcing it to seek an appropriate form of response. A distinctive feature of the epidemics of the ancient world was that they not only inflicted enormous damage on existing social systems and political institutions, but also gave birth to new forms of religiosity. The epidemic of the “Athenian plague” of the fifth century BC contributed to the decline of the Athenian maritime empire, bringing to life a new religious cult - the cult of Asclepius, the god of healing, which had become the salvation religion of the Greeks before the arrival of Christianity. The “Antonine Plague” and the “Cyprian Plague” (2nd–3rd centuries) caused a crisis in the Roman Empire, contributing to the spread of

Christianity in the Mediterranean. The “Justinian plague” (6th–8th centuries) contributed to the undermining of the power of the Byzantine Empire and the collapse of the Persian Empire, the disappearance of Christianity and the spread of Islam in the Middle East.

Keywords: epidemics, world history, crises, antiquity, religions of salvation, the cult of Asclepius, Christianity, Islam.

Codes of JEL Classification: N01

Введение

Эпидемии инфекционных болезней всегда несли и будут нести угрозу человеческому существованию, поскольку с биологической точки зрения задача возбудителей инфекций состоит в том, чтобы ограничивать численность человеческой популяций. Природа не знает жалости к своим созданиям, используя все доступные ей средства так, чтобы обеспечить естественный баланс между различными видами. В этом смысле микробы выступают «естественными регуляторами» численности самых успешных видов, будь то травоядные, хищники или человек. Но для человека разумного инфекции, причиняющие вред его здоровью и жизни, — безусловное зло, поэтому люди во все времена, в том числе, когда они ничего не знали о существовании самих микробов, не могли оставаться безучастными к тому, что лишает их здоровья и жизни. На всех этапах своего исторического существования человеческие общества пытались найти свой ответ на тот вызов, которые бросали им невидимые глазу микробы и видимые проявления их вторжения в человеческую жизнь — эпидемии инфекционных болезней. Задолго до того, как был открыт мир микробов и у человечества появились современные научные представления о причинах инфекционных болезней, люди в разных частях света пытались в той или иной форме рационализировать свой ответ на те кризисы, которые вызывала деятельность этих микроорганизмов в их собственном мире. Нет ничего удивительного в том, что первоначальная реакция на этот вызов носила форму религиозно-практического ответа и была связана с появлением поиска религиозных практик спасения.

В рамках данного исследования планируется обосновать тезис о том, что возникновение религий спасения в античном мире было связано с феноменом эпидемий, которые стали вызовом прежним формам социального порядка и связанным с ними формам общественного сознания. Для этого предполагается осуществить анализ истории эпидемий в античном мире в контексте становления религий спасения, прежде всего христианства, а также культа Асклепия, типологически близкого к культу Христа-Спасителя и исторически предшествующего ему.

Объектом исследования является всемирная история эпидемий инфекционных болезней.

Целью исследования является анализ истории эпидемий в античном мире и их связь с распространением религий спасения.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью использования ресурсов гуманитарного знания для осмысления исторического опыта управления социальными процессами в условиях сложных эпидемиологических ситуаций и выработки ответа российского общества на новые большие вызовы, связанные с распространением эпидемий и пандемий опасных болезней.

Новизна исследования состоит в оригинальности выдвигаемой гипотезы, согласно которой целый ряд социальных институтов и связанных с ними форм общественного сознания появляются в условиях вызова обществу со стороны эпидемий опасных инфекционных болезней и символизируют собой форму социального ответа на эти вызовы.

В ходе исследования были использованы следующие методы исторического исследования: проблемно-хронологический, историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный, историко-системный. Теоретической базой исследования стала методология глобальной истории. Ее основные элементы и теоретические положения применительно к заявленной проблематике были

разработаны и апробированы такими исследователями, как У. Мак-Нил, Дж. Хейс, Ш. Уотс, М. Харрисон [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Практическая значимость темы исследования характеризуется тем, что полученные результаты будут способствовать развитию современной исторической науки, использованию ресурсов гуманитарного знания для осмысления исторического опыта существования человеческого общества в условиях системных кризисов, вызванных распространением эпидемий опасных инфекционных болезней.

1 Эпидемии V в. до н.э. и культ Асклепия

Древняя Греция была культурной периферией античного мира. Сознавая это обстоятельство, многие греки совершали путешествия в Египет и Месопотамию с целью познакомиться с культурой своих более опытных восточных соседей. Любовь к созерцательной жизни, породившая знаменитую греческую философию, побуждала их подолгу оставаться вдали от родных мест и осваивать наиболее передовые знания и технологии у египтян, лидийцев, персов и других народов. Несмотря на то, что эти культурные контакты были нормой на протяжении ряда столетий, они не могли оказать существенного влияния на греческий образ жизни. Уважение к мудрости соседних цивилизаций сочеталось у греков с осознанием собственной уникальности, которую они были готовы мужественно защищать. Столкновение греческих городов-государств с великой Персидской империей дало новый импульс росту греческого самосознания, а победа над персами стимулировала экономический рост греческих городов, в особенности Афин, для которых начался «золотой век». Однако он был недолгим, поскольку внутри самой Греции началась ожесточенная борьба за политическую гегемонию, завершившаяся чередой острых кризисов, составной частью которых стали эпидемии второй половины V в. до н.э. в Аттике. «Афинская чума» была непродолжительной по времени эпидемией, но она нанесла тяжелый урон Афинской морской империи. Ее следствием были не только демографические потери, но и политические неудачи Афин, а также общее изменение морального-психологического состояния афинского общества. Ниже предлагается обосновать тезис о том, что эпидемический кризис в Аттике вызвал не только упадок традиционных форм религиозности, но и рождение новых культов, в том числе культа, связанного с богом-врачевателем Асклепием, в котором многие греки увидели своего подлинного спасителя.

1.1 Средиземноморский мир до контактов с другими цивилизациями

Наши сведения об истории эпидемий в античном мире до сих остаются ограниченными. Наиболее хорошо задокументированной из всех историй древних цивилизаций является история античной (средиземноморской) цивилизации. Остальные великие цивилизации античного мира — китайская, индийская, египетская и междуреченская (от шумеров до персов) продолжают оставаться менее изученными. Для того чтобы выявить связь между возникновением религий спасения и феноменом эпидемий в античном мире, потребуется сделать ряд важных исторических оговорок.

Во-первых, эпидемии инфекционных болезней становятся частью человеческой истории лишь на этапе возникновения оседлых форм жизни — сельских поселений и городов. До тех пор, пока человечество вело кочевой и полукочевой образ жизни, эпидемий как таковых не случалось. Очевидно, что имели место случаи заражения отдельных семей, кланов и более крупных сплоченных групп, но говорить об их судьбах, об источниках инфекции и об эпидемиологической ситуации на этапе истории, предшествующем периоду оседлости и цивилизации, крайне сложно. Сведения по данной проблематике накапливаются в рамках медицинской антропологии — дисциплины, которая сочетает в себе методы естественных и социальных наук и развивается на пересечении биолого-медицинского и социально-гуманитарного знания [7, 8]. Исходя из доступных медико-антропологических данных, можно утверждать, что бродячие группы охотников и собирателей в целом имели крепкое здоровье и

страдали в основном от ран, нанесенных дикими животными, или несчастных случаев. С переходом от охоты и собирательства к сельскому хозяйству в жизни человечества произошли радикальные изменения: пища стала более доступной, но более однообразной — в основном хлеб: на Ближнем Востоке, в северной Индии и Средиземноморском мире — пшеница, на Дальнем Востоке и в южной Индии — рис, в Америке — маис; человеческие группы стали более многочисленными, но люди в целом стали отличаться более низким уровнем здоровья; создаваемые людьми запасы продовольствия, амбары, продуктовые ямы и зернохранилища стали привлекать некоторые группы диких животных, которые вплотную приблизились к человеческим жилищам (прежде всего, грызунов), от которых людям стали передаваться различные инфекционные заболевания; процесс одомашнивания животных также привел к возникновению тесной близости между людьми и крупными млекопитающими, от которых людям стали передаваться их инфекции; поскольку все человеческие поселения появлялись на берегах рек и других водоемов, то из-за скученности все водоемы в той или иной степени оказались загрязнены, а жители береговых поселений стали страдать от кишечных инфекционных заболеваний; с появлением оседлых форм жизни появилось и социальное неравенство; социальная эксплуатация со стороны правящей элиты дополнилась растущей эксплуатацией человеческих популяций со стороны колоний микроорганизмов.

Во-вторых, из пяти крупных цивилизаций Старого Света четыре развивались как цивилизации великих рек (бассейновые цивилизации) — египетская, междуреченская, индийская и китайская, и лишь цивилизация Средиземноморья развивалась как цивилизация морская (островная и побережная). Все четыре бассейновые цивилизации Старого Света развивались в регионах с влажным и жарким климатом, и процесс распространения этих цивилизаций от изначальных очагов их возникновения сопровождался интенсивной колонизацией новых территорий, вторжением в мир дикой природы и интенсификацией контактов с новыми типами флоры и фауны. История Египетской цивилизации — это процесс движения с юга на север, вдоль берегов Нила. История цивилизация, возникшей на берегах Тигра и Евфрата, была движением в юго-восточном направлении, к берегам Индийского океана, в сторону все более жарких территорий. История индийской цивилизации сопровождалась экспансией в восточном, юго-восточном и южном направлениях, с берегов Инда и областей с сухим и благоприятным климатом, вдоль берегов Ганга, сквозь чащу влажных тропических лесов. История китайской цивилизации представляла собой процесс движения с севера на юг, от берегов Хуанхэ, протекающей в умеренном климате, к берегам Янцзы, несущей свои волны через территории с влажным и жарким климатом. Все эти процессы растянулись на долгие столетия, потребовали огромных человеческих усилий и сопровождались неисчислимыми жертвами. Их главной причиной стал не только неподъемный труд, но и сонмы новых болезней, с которыми пришлось столкнуться переселенцам на новых территориях. Главным бичом всех бассейновых цивилизаций стали инфекционные болезни, передаваемые тропическими микроорганизмами и их естественными носителями — насекомыми, червями, улитками, мелкими животными. Египет, Междуречье, Индия, Китай были и по сей день продолжают оставаться ареалами распространения малярии, шистосомоза, различных форм тропической лихорадки и других паразитарно-инфекционных заболеваний. Потребовались целые века, чтобы народы этих цивилизаций смогли адаптироваться к этим формам инфекционных заболеваний и достичь относительно биологического

компромисса со «своими» микробами. В отличие от бассейновых цивилизаций Старого Света Средиземноморская цивилизация, прежде всего греческий мир, на протяжении длительного периода времени оставалась свободной от чрезмерного бремени инфекций. Несмотря на все трудности, с которыми приходилось на протяжении ранних веков своей истории, сталкиваться народам Средиземноморья, жители этого региона отличались относительно более крепким здоровьем. Население Древней Греции по сравнению с их более южным и восточными соседями было менее многочисленным и вело более архаический образ жизни: в Элладе не было крупных городов, греки не имели возможности заниматься выращиванием зерновых культур; животноводство практиковалось лишь в ограниченных масштабах и преимущественно в отгонной форме. В греческом мире отсутствовали многие формы хозяйственной жизни, которые процветали в Египте, Междуречье и далее на востоке. Следствием всего этого было отсутствие значительных по масштабу и продолжительности эпидемий, которые, несомненно, часто возникали в других частях цивилизованного мира.

В-третьих, на протяжении длительного периода времени между всеми великими цивилизациями античного мира отсутствовали систематические контакты. Однако, когда процесс естественного роста цивилизаций достиг своего предела, эти цивилизации пришли между собой в столкновение. Индийская и китайская цивилизация столкнулись между собой на территориях Юго-Восточной Азии, где каждая из них постаралась включить этот обширный регион в орбиту своего влияния. Поскольку силы цивилизаций оказались примерно равны, то ни одной из них не удалось установить свою гегемонию в этом регионе. И по сей день Юго-Восточная Азия продолжает оставаться объектом политических, экономических и культурных притязаний со стороны Китая и Индии. В VI в. до н.э., после длительной исторической борьбы за политическую гегемонию на территории Междуречья, наконец, определился геополитический лидер, которым стало мощное Персидское государство. Объединив под своей властью все земли своих бывших соперников, новообразованная Персидская империя начала свою экспансию на запад и юго-запад. К концу VI в. после ожесточенного столкновения с Египтом персам удалось подчинить египтян своей власти. Вследствие этих исторических событий две великие античные цивилизации — междуреченская и египетская — объединились в одну, и следствием этого синтеза стало появление новой, ближневосточной цивилизации. После завоевания Египта Персидская империя начала свое продвижение на запад, где к началу V в. до н.э. столкнулась со Средиземноморской цивилизацией в лице городов-государств Древней Греции. Это столкновение привело не только к масштабным историческим последствиям для греческой и персидской государственности, но и к постепенному изменению всей эпидемиологической ситуации в Средиземноморье, которое долгое время оставалось регионом, свободным от эпидемий.

Знаменитая «афинская чума» (430–429 гг. до н.э.), описанная Фукидидом, безусловно, стала одним из отголосков этой глобальной истории, в которой главными субъектами являются цивилизации, причем не только в их социополитическом состоянии, но и в состоянии био-политическом, со всеми неизмеримыми полчищами микропаразитов, которые остаются невидимыми спутниками и даже союзниками этих цивилизаций. По времени она произошла чуть более полвека спустя после столкновения греческого мира и персидской империи. Для истории эпидемий, очевидно, это весьма короткий отрезок времени. Инфекции с Ближнего Востока были принесены в Средиземноморье не на кончиках вражеских

стрел, а, скорее всего, торговцами, совершающими путешествия в дальние страны ради коммерческой выгоды и потому обычно попадающими в такие места, куда не способны попасть армии. Удобным маршрутом для их распространения могла стать, например, сеть торговых дорог, протянувшаяся через всю Персидскую империю. Ее общая протяженность составила около 1600 миль [9]. Быстроходные вестники и товары, доставляемые по ней купцами, могли перемещаться от городов Средней Азии и северо-западных окраин Индии до самых берегов Эгейского моря с довольно высокой скоростью. Восхищавшийся этой дорожной сетью Геродот писал, что «ни снег, ни ливень, ни зной, ни даже ночная пора не могут помешать каждому всаднику проскакать во весь опор назначенный отрезок пути» (Геродот. История, VIII, 98) [10].

1.2 «Афинская чума» и кризис Афинского государства

Несмотря на то, что греческий мир в целом был в основном свободным от эпидемий, отдельные вспышки инфекций, по-видимому, там имели место, хотя и не оставили каких-либо следов в культурной памяти древних греков. Знаменитая «чума» в лагере ахейских воинов, осаждавших Трою, описанная Гомером, по сей день остается событием, о котором у нас нет никакой достоверной информации. Договорившись признать, что она действительно могла иметь место, обратим внимание на то, что о ней сообщает Гомер.

Во-первых, эта эпидемия разразилась на десятый год войны, и ограничилась территорией военного лагеря. Первыми от болезни стали умирать мулы, затем собаки и лишь после этого люди. «Частые трупов костры непрестанно пылали по стану. Девять дней...» (Гомер. Илиада, I, 52–53) [11]. Эпидемия началась среди животных, и лишь затем обрушилась на людей. Что это была за болезнь, совершенно не ясно. Но здесь важно отметить, что она была локальной по месту и непродолжительной по времени.

Во-вторых, по логике Гомера и гомеровских греков, у данной эпидемии были строго определенные причины — праведный гнев божества в ответ на святотатственный поступок, совершенный вождем ахейского войска Агамемноном. После того как Агамемнон оскорбил жреца Аполлона Хриса, отказавшись ему в обмен на солидный выкуп вернуть плененную дочь, Аполлон — бог-лучник и врачеватель в одном лице — начал метать в ахейское расположение свои смертоносные стрелы, которые и вызвали множество смертей среди людей и животных. «Девять дней на воинство божие стрелы летали» (Гомер. Илиада, I, 53) [11]. Прорицатель ахейского войска Калхас точно идентифицировал причину эпидемии, обнаружив ее перед войском, которое, в свою очередь, охотно согласилось с его объяснением, поскольку никакое другое объяснение никому в голову и не приходило.

В-третьих, эпидемия, вызванная гневом Аполлона, прекратилась тотчас же, как был улажен конфликт между Агамемноном и жрецом Аполлона. По возвращении Хрисеиды к ее отцу, эпидемия исчезла, словно бы ее и не было. Гомер показывает, что массовая беспричинная смертность людей может быть объяснена только сверхъестественным вмешательством божества, но с этой проблемой всегда можно справиться, если восстановить добрые отношения с богом и перестать совершать святотатства. Если продолжать вести высоконравственный образ жизни, чтить богов, не совершать беспринципные поступки, то оснований для возникновения массовых заболеваний и смертей возникать не должно.

На протяжении нескольких столетий Гомер продолжал оставаться для греков

непререкаемым авторитетам по всем вопросам, в том числе и по вопросу, связанному с возможным возникновением эпидемий. Очевидно, вспышки тех или иных инфекционных заболеваний периодически происходили в разных местах Греции, но поскольку они были непродолжительными по времени и локальными в пространстве — как и в легендарной истории под Троей, — то и реакция на них была соответствующая: греческие жрецы или иные авторитетные личности, считающиеся связанными с богами, совершали собственные очистительные ритуалы и возвращали всю ситуацию к исходному состоянию.

Гомеровская логика, используемая для объяснения причин локальных эпидемических процессов, была весьма хороша, если иметь в виду, что она неизменно была связана с ситуациями небольших поселений и маленьких городков. Иначе говоря, если в такой местности случалась эпидемия, то ей попросту не было где «разгуляться». Когда в Афинах в 430 г. до н.э. вспыхнула «чума», там уже была совершенно другая ситуация: население города по меркам той эпохи было огромным; в условиях военного времени и неприятельской осады все эти люди укрылись в стенах одного города. Но, главное, афинская эпидемия была «новой болезнью», и поэтому у жителей Афин не было по отношению к ней никакого иммунитета. Не было и исторического опыта правильного реагирования на нее. Как пишет по этому поводу Фукидид, «всякое человеческое искусство было бессильно против болезни. Сколько люди не молились в храмах, сколько не обращались к оракулам и тому подобным средствам, все было бесполезно: наконец, одолеваемые бедствием люди оставили и это» (Фукидид. История, II, 47–48) [12].

Споры о том, что это была за болезнь, до сих пор не закончены. Историки в разное время говорили о бубонной чуме, сибирской язве, тифе, оспе, эрготизме, даже лошадином сапе и туляремии. Возможно, это была корь, которая приняла необычайно вирулентную форму, встретившись с совершенно незнакомой с ней человеческой популяцией. Корь, для того чтобы стать хроническим заболеванием, нуждается в популяции порядка 400 000 человек. В Афинах же к этому времени проживало чуть более 150 000 человек, что и предопределило итог нашествия «новой болезни». Весьма характерно, что эта эпидемия оказалась всего лишь одним из эпизодов в череде эпидемий, случившихся тогда же в Египте, Ливии и Эфиопии [13, 14, 15, 16, 17].

В связи с огромным вниманием, которое историки традиционно уделяют этому событию, можно утверждать, что оно хорошо изучено. Отчасти вследствие этого Афинская эпидемия стала моделью, с помощью которой в разные времена на Западе исследователи пытались анализировать социальную сторону всех «новых болезней». Действительно, кроме большого числа жертв эта эпидемия характеризовалась тяжелыми социальными потрясениями. Фукидид, оставивший свое свидетельство о ней, недвусмысленно указал, что с самого начала эпидемии среди афинян распространились слухи о том, что чужаки, скорее всего спартанцы, отравили колодцы. После того как болезнь унесла жизни тысяч людей, среди оставшихся в живых усилились радикальные настроения. Традиции предков, религия, законы, — все было подвергнуто отрицанию. Начали быстро распространяться оргиастические культы и философский скептицизм. Были даже разорены погребения. В то же время, с другой стороны, усилились консервативные группы. Результатом этого стало преследование вождя радикалов Алкивиада и суд над философом Сократом. В конечном итоге, эпидемия спровоцировала раскол афинского общества [18, 19].

Эпидемия, случившаяся в Афинах, послужила началом целого ряда

эпидемических происшествий в материковой Греции. Неудача афинян при осаде Потидеи, гибель значительной части их войска в ходе этой кампании (Фукидид. История, II, 53) [12], резкое сокращение численности афинских граждан, — все это привело к подрыву афинского военно-морского могущества и ослаблению афинской империи, которая процветала предыдущие 50 лет. Возможность, объединить всю Грецию под властью одного полиса — Афин — так и не была реализована. Таков был основной исторический итог «афинской чумы».

1.3 Культ Асклепия как греческая религия спасения

Важным последствием эпидемий V века стало распространение новых религиозных культов, в частности культа бога медицины Асклепия. Вопрос о возникновении культа Асклепия по сей день остается слабо проработанным в исторической науке, но то, что известно, можно свети к следующему.

Согласно Страбону, первые храмы Асклепия появились в Трикке, Эпидавре и Косе, где Асклепий почитался как божество, исцеляющее всевозможные болезни. «Эпидавр — город небезызвестный, особенно благодаря появлению чудесной силы Асклепия, который, как верят, излечивает всевозможные болезни, а его святилище постоянно полно больных, а также votivных табличек, на которых начертаны средства исцеления, как на Косе и в Трикке.... Трикка, где находится самое древнее святилище Асклепия, граничит с областью долопов и с местном около Пинда... около Трикки, где говорят, родился Асклепий... Город косцев в древности назывался Астипалеей и лежал в другом месте тоже на море... В предместье города располагалось святилище Асклепия, весьма прославленный храм, полный посвященных даров... Говорят, что Гиппократ научился лечению больных главным образом на основании находившихся посвященных табличек с историями исцелений. Он является одним из самых знаменитых людей с острова Коса» (Страбон. География, VIII, 374; IX, 414; XIV, 647; XIV, 657) [20].

Павсаний же сообщает, что родиной Асклепия является Эпидавр. «Доказательством того, что бог родился в Эпидавре, мне служит еще вот что: я нашел, что все самые главнейшие и замечательные праздники и храм Асклепия — филиалы Эпидавра... афиняне предоставляют Асклепию, как участнику в таинствах (Элевсиний) день, который называют Эпидавриями, и говорят, что с этого дня (когда он был введен) у них стали почитать Асклепия как бога... Архий, сын Аристея, после того, как получив вывих на охоте около Пиндаса, был вылечен в Эпидавре, ввел почитание бога в Пергаме; Пергаме; в зависимости от этих праздников в Пергаме, еще в наше время, у моря жителями Смирны было основано святилище Асклепия; то же и в Балаграх, в Киренаике: там есть Асклепий, называемый Иатр (Врачеватель), культ которого перешел из Эпидавра. А от культа в Кирене было заимствовано почитание Асклепия и жителями Лебены, города на Крите... Что Асклепий почитался богом с самого начала, а не получил такую славу с течением времени, я имею на это, благодаря моим исследованиям, разные доказательства, между прочим, мне служат свидетельством и слова, сказанные у Гомера Агамемноном про Махаона» (Павсаний. Описание Эллады, II, 26) [21]. Павсаний предполагает, что уже Гомер считал Асклепия богом, но, как он сам утверждает, это было всего лишь предположением. Иначе говоря, нельзя с достоверностью утверждать, что у Гомера Асклепий уже был причислен к сонму богов. Павсаний также пишет: «Священную рощу Асклепия со всех сторон окружают горы. Ни умирать людям, ни рожать женщинам здесь в священной ограде не дозволено» (Павсаний. Описание Эллады, II, 27) [21].

С.Г. Ковнер, отталкиваясь от мнения французских и немецких историков, соглашается с тем, что культ Асклепия и связанная с ним «теургическая медицина» могли появиться в Греции гораздо позже возникновения «первобытно-эмпирической медицины» [22]. Иначе говоря, гомеровские врачи «сыновья Асклепия» — Махаон и Подалирий — не были связаны с храмовой медициной, возникшей на базе храмов Асклепия в Трикке, Эпидавре, Косе, Пергаме и других местах. Гомеровские «сыновья Асклепия» были военно-полевыми хирургами, лечащими раны воинов, удаляющие стрелы и прочее. Храмовые врачи, лечащие в местах поклонения богу Асклепию, этим не занимались. В храмовых комплексах, посвященных Асклепию, находились статуи бога, которому просители приносили жертвы, а также надписи, сообщающие о совершенных им чудесных исцелениях. Там также имелись купальни и места для сна и отдыха проходящих к богу. В знаменитом святилище в Эпидавре обитали змеи, посвященные богу. Павсаний сообщает, что «все змеи и особенно одна их порода с более желтоватой кожей считаются священными змеями Асклепия; к людям они кротки и водятся только в области Эпидавра (Павсаний. Описание Эллады, II, 27) [21]. Присутствие змей в святилище бога, несомненно, производило огромный психологический эффект на просящих его о помощи.

На наш взгляд важным моментом, о котором упоминает и С.Г. Ковнер, является тот факт, что в гомеровские времена наряду с военно-полевыми хирургами существовали и врачеватели, практикующие домашнюю медицину, — собиратели целебных трав. К их числу Гомер относит, прежде всего, врачевательниц-женщин — Кирку, Елену и Полидамну-египтянку. О последней он вспоминает, ведя речь о Елене, дочери Зевса и супруге Менелая. «Каждый в народе там врач, превышающий знанием глубоким прочих людей» (Гомер. Одиссея, IV, 231–232) [11]. Этот тандем с участием военных врачей и домашних врачевателей, сложившийся в Греции еще в архаическую эпоху, является совершенно естественным, и он может быть обнаружен в любом обществе. Но тогда возникает следующий вопрос: что же вызвало к жизни появление нового для греков культа Асклепия, а также храмовых врачей-Асклепиадов, к которым в той или иной степени был близок и Гиппократ?

По нашему мнению, своему возникновению храмовое врачевание и связанный с ним культ Асклепия в Греции появились именно по причине распространения эпидемий в V в. до н.э. Когда в континентальной Греции распространились новые инфекционные заболевания и стало ясно, что методы домашнего врачевания, не говоря уже о военно-полевой хирургии, не могут помочь больным, в обществе возникла потребность в чудесном спасении и отчаянная вера в то, что только боги смогут защитить и помочь смертным. В самом деле, ведь сами врачи тоже становились жертвами эпидемии, о чем упоминал и Фукидид. «Дело в том, что врачи были бессильны: первое время они лечили, не зная характера болезни, и чаще всего умирали сами, чем более входили в соприкосновение с больными» (Фукидид. История, II, 47) [12].

Эпидемии V века до н.э. стали вызовом для всего греческого общества, в том числе и для существовавшей к этому времени системы оказания медицинской помощи, слагающейся из хирургии и домашнего врачевания. Ни гомеровские «сыновья Асклепия» — военные медики, ни гомеровские врачеватели-травники, подобные Полидамне, Елене и Кирке, не могли дать достойный ответ на этот вызов. Врачи, чьих имен мы не знаем, упоминаемые Фукидидом, сами становились жертвами эпидемии, и, стало быть, чтобы ответить на этот вызов достойно, требовалось вмешательство некоей более могущественной силы. Этой силой и стал бог-врачеватель Асклепий, чье имя благодаря Гомеру было известно каждому греку.

Почитаемый как сын Аполлона, который, согласно Гомеру, был способен распространять моровую язву, Асклепий, в свою очередь, тоже был воспринят как всемогущее божество такого же рода. Для греков времен Сократа и Фукидида, следовательно, не составило никакого труда усмотреть связь между погибельными болезнями, от которых умирали десятки и сотни людей в день, и божественностью сына великого Аполлона, в чьей власти и было распространение этих болезней.

В сущности, жрецы-Асклеиады не использовали никаких особенных новых средств, неизвестных их предшественникам. В их распоряжении были обычные укрепляющие упражнения и очистительные процедуры, целебные вода и воздух тех мест, в которых устраивались святилища. Главным же лечебным средством, который практиковался храмовыми жрецами, был знаменитый сон-инкубация. Посетителям храма дозволялось заночевать вблизи от великолепного изваяния бога, и в эту чудесную ночь исцеления вокруг них ползали безобидные змеи бога, вызывая у просителей божьей помощи священный ужас и укрепляя их в вере в собственное спасение. Со слов Павсания, в святилище бога не допускались те, кто по какой-то причине мог умереть, а также беременные женщины. Это был беспрюирышный способ добиться божественной помощи.

Стоит ли упрекать жрецов из храмов Асклепия в хитрости, если сотни и тысячи паломников со всей Греции, стремясь к богу, сами с готовностью принимали храмовые правила. Для последующей истории, по меньшей мере, имеет значение тот факт, что вокруг этих храмов постепенно стали формироваться врачебные школы и что-то вроде гостиниц для пациентов. Гиппократ, тесно связанный с такой школой на Косе и почти не видевший на своем веку эпидемий, многое позаимствовал у Асклеиадов, включая знаменитую врачебную клятву.

О важности культа Асклепия в последующие века говорит уже то, что Страбон (64 до н.э. — 24 н.э.) и Павсаний (110–180) лично свидетельствовали о его существовании. Святилища Асклепия, которые они посетили, были полны просителей, и храмы Асклепия не оскудевали от даров просящих. Притягательность культа бога-врача, следовательно, сохранялась веками, и здесь можно согласиться с мнением Дж. Хейса, утверждающего, что культ Асклепия был весьма силен и в IV в. н.э., когда уже широкого распространилось христианство, с которым он конкурировал [4].

В целом, эпидемии всегда становились вызовом для того или иного общества, которому приходилось искать на него подходящую форму ответа. Отличительной чертой эпидемий античного мира было то, что они не только нанесли огромный ущерб существующим социальным системам и политическим институтам, но и породили к жизни новые формы религиозности. Эпидемия «афинской чумы» V в. до н.э. способствовала упадку Афинской морской империи, но при этом вызвала к жизни новый религиозный культ — культ бога врачевания Асклепия, игравший важную роль в жизни греческого народа вплоть до IV в. н.э. и бывший религией спасения у греков до прихода христианства.

2 Эпидемии II и III вв. и распространение христианства

Римская империя была одним из самых могущественных государств античного мира. На вершине ее величия на ее территории проживало около 65 млн человек. Территория империи простиралась от Британии и Испании на западе до Египта и Месопотамии на востоке. Свой расцвет она переживала в I–II вв. н.э. Однако уже во второй половине II в. Рим вступил в полосу затяжного кризиса,

сопровождавшегося прогрессирующим демографическим упадком, экономическим застоём, все более частыми военными неудачами, вторжением варварских народов, деградацией городской жизни. Согласно Дж. Расселу, в период между «золотым веком» Августа и 543 г. численность населения империи сократилась в два раза [23]. Объяснить начавшийся упадок Римской империи только социально-экономическими причинами невозможно. В рамках предлагаемого исследования доказывается, что определяющую роль в нем сыграли эпидемии инфекционных болезней, опустошивших империю на всей ее территории. В свою очередь, причинами эпидемий были преимущественно факторы естественного порядка — изменение климата — постепенное похолодание и снижение влажности, уменьшение объема растительной биомассы и снижение урожайности зерновых культур, возрастающая нехватка пищи для животных и, как следствие, человеческих популяций. Нарастающие изменения климатического, экологического, экономического и социального плана вызвали и постепенные перемены в общественном сознании. Главная из них была связана с распространением христианства — новой религии спасения, вытеснившей все прочие формы религиозности и прежние культы.

2.1 Трансконтинентальные контакты и предпосылки для новых эпидемий

Эпидемии V в. до н.э., случившиеся в континентальной Греции на исходе «золотого века Перикла», стали первым предзнаменованием более страшных эпидемий, которым предстояло обрушиться на Средиземноморский мир в последующие столетия. Тем не менее на протяжении еще почти четырех столетий появление новых бедствий, таких, как «афинская чума» 430 г. до н.э., откладывалось. Представляется, что главной причиной этого было отсутствие регулярных торговых контактов между странами северного Средиземноморья и глубинными регионами Евразии, без которых трудно было бы представить себе распространение возбудителей инфекции. Недолгий период существования единого государства Александра Македонского завершился его распадом. Образовавшиеся на его территории государства были нестабильными и находились в состоянии непрерывной борьбы со своими соседями. Следствием этого было отсутствие каких-либо длительных торгово-экономических контактов между странами, расположившимися в интервале между Македонией на западе и Индией на востоке.

К середине I в. н.э. такие связи стали складываться. Основой этому послужил процесс политической стабилизации на западных просторах Евразии. Рим объединил под своей властью все народы Средиземноморья — от Испании до Малой Азии. С учетом включенных в состав Римского государства Британии (43–84 гг.) и Сирии (64 г.) Рим превратился в крупнейшую по численности населения и размерам территории империю, сопоставимую по этому параметру только с китайской Ханьской империей. Завоевав Сирию, Рим продолжил свою экспансию на восток, но столкнулся здесь с ожесточенным сопротивлением Парфии, объединившей, в свою очередь, под своим началом народы бывшей Персидской империи. На протяжении еще почти целого столетия Рим и Парфия с переменным успехом противостояли друг другу на территории Месопотамии, но в конечном итоге граница между обеими империями стабилизировалась, и бывшие соперники от военных действий перешли к торговле.

Средиземноморский мир в лице Римской империи и Ближний Восток в лице Парфянского государства не были единственными архитекторами торговых отношений в Евразии. В I в. н.э. римляне, укрепившись в Египте, вступили в

торговые отношения с еще одной великой цивилизацией Старого Света — Индией. Об этом имеется упоминание у Страбона. «Прежде по крайней мере едва 20 кораблей осмеливалось пересечь Аравийский залив, чтобы выйти за пределы пролива; теперь отправляются большие флоты даже до Индии и оконечностей Эфиопии, откуда привозят в Египет наиболее ценные товары, а отсюда снова рассылают их по другим странам» (Страбон. География, XVII, 1, 13) [20]. Тем самым в I и II вв., пока Рим удерживал свои позиции на Ближнем Востоке, воды индийского океана были открыты для его торговых судов. О том, с какой скоростью передвигались римские корабли, можно только догадываться, однако у Плиния Старшего встречается информация о том, что в водах Средиземного моря в I в. они могли покрывать огромные расстояния за сравнительно малый промежуток времени. Так, префекты Галерий и Бальбилл на своих кораблях совершили переход из Сицилии до Александрии Египетской за шесть и пять дней соответственно, сенатор Валерий Мариан из Путеолы (ныне Пуццуоли) до Александрии — за восемь дней; из Кадиса (юго-западная оконечность Испании) до Остии можно было добраться за 6 дней, а из Ближней Испании (Средиземноморское побережье) до Остии — за три дня, и оттуда же до Галлии Нарбонской (южная Франция) — за два дня и до Африки — всего за один день (Плиний Старший. Естественная история, XIX, 1) [24]. Таким образом, рассуждая логически, можно предположить, что товары из Индии, отправляемые в Вечный Город, при благоприятном стечении обстоятельств могли достигать его рынков в среднем за две недели или чуть более того. С учетом длительного инкубационного периода многих инфекционных заболеваний можно предположить, что инфекции с западного побережья Индии могли попадать в столицу Римской империи морским путем в телах своих естественных носителей — людей и животных.

Наконец, в общую систему трансконтинентальных торговых отношений в Евразии к началу I в. н.э. включился и Китай. После того, как Ханьская империя интегрировала под своим началом все страны Великой Китайской равнины, китайские купцы начали прокладывать свои торговые маршруты на Запад. Через территорию нынешнего Синьцзяна торговцы шелком и другими китайскими товарами достигли богатых городов Средней Азии, находившихся в орбите политического и культурного влияния Ближневосточной цивилизации. П. Франкопан настаивает на том, что инициаторами торговли между западом и востоком Евразии были не китайцы, но согдийские торговцы из Средней Азии, и сам Шелковый путь, по которому двигались караваны, был весьма условным понятием [9], а Р. Маклафлин сообщает о том, что в торговле с Китаем особую активность проявляли римляне [25], однако для предпринимаемого нами исследования по истории эпидемий эти уточнения существенного значения не имеют. Так или иначе в I и II вв. н.э. Китай стал еще одной цивилизацией античного мира, которая включилась в процесс евразийской трансконтинентальной торговли. Шелковые ткани из Китая через Среднюю Азию и Ближний Восток после нескольких месяцев длительного путешествия успешно достигали портов Средиземного моря, откуда далее попадали в Рим и другие города империи. Передвигающиеся с купеческими караванами шелк, украшения, люди и животные образовывали великий круговорот вещей, связывающий между собой все великие цивилизации Старого Света. Но вместе с этими вещами, людьми и животными, несомненно, перемешались и возбудители опасных инфекций.

У нас не так много сведений об эпидемиях, которые могли происходить в городах Средиземноморского мира в этот период. Однако у Светония, например,

можно найти краткое упоминание о том, что в Риме в 64 г. н.э. вслед за Великим Пожаром произошла и некая эпидемия. «К злключениям и бедствиям, виновником которых был Нерон, судьба прибавила и другие: чуму, которая за одну осень тридцать тысяч человек внесла в погребальные списки» (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей, VI, 39) [26]. Погребальные списки в Риме велись при храме Венеры-Либитины, где торговали погребальными принадлежностями. Не исключено, что умерших от этой эпидемии в тот год в Риме могло быть и больше, но едва ли эта цифра сильно расходилась с реальностью, иначе бы римский историк по примеру Фукидида уделил этим событиям больше внимания. Не известно также, случилось ли что-то подобное в других городах Италии. В любом случае, обращает на себя внимание тот факт, что вспышка эпидемии в Риме произошла в один год с завоеванием Сирии и, следовательно, началом установления торговых сообщений по морю между Римом и западными окраинами Ближневосточной цивилизации.

2.2 «Антонинова чума»

К середине II в. н.э. Средиземноморский мир был полностью интегрирован в систему мировой торговли, и Средиземноморская, греко-римская цивилизация была одним из основных субъектов глобальной истории. Однако подобно китайской цивилизации Средиземноморский мир был потенциально более уязвим перед инфекциями из Ближнего Востока и Индии, население которых, напротив, было хорошо адаптировано к местным болезнетворным микроорганизмам. Поэтому, когда во второй половине II в. в Средиземноморье, а затем и в Китае начались вспышки новых болезней, то они оказались ужасными по своим последствиям для народов, населяющих Римскую и Ханьскую империи. У. Мак-Нил считает, что по своим последствиям эти эпидемии для Рима и Китая были столь же катастрофичны, как и эпидемии XVI в. на американском континенте, вызванные там появлением европейцев и их микробов [1].

Оставив в стороне историю китайских эпидемий, сосредоточим основное внимание на меняющейся эпидемиологической обстановке в Средиземноморском мире. Основные сведения, которыми мы располагаем таковы. В 165 г. первая вспышка эпидемии произошла в римских войсках, находящихся в Селевкии-на-Тигре (Месопотамия). Но уже вскоре вслед за этим эпидемия перебросилась в западные части империи. В 168 г. в Аквилее (Северная Италия) эпидемию наблюдал врач императора Марка Аврелия Клавдий Гален, чьи сообщения о кожных поражениях о больных, позволили исследователям считать, что это была эпидемия оспы [27, 28, 29]. Возможно, эта эпидемия достигла самого Рима только в 170 г., о чем два века спустя коротко упомянул Блаженный Иероним Стридонский: «Моровая язва охватила многие провинции, и отчасти опустошен Рим» (Иероним. Изложение хроники Евсея Памфила, 170) [30]. В 187–188 гг. эпидемия вновь обрушилась на Рим, хотя некоторые специалисты считают, что эта более поздняя вспышка могла быть уже не оспой, а одним из антропозоонозов [31]. Дион Кассий сообщает об эпидемии в Риме следующее: «К тому же началась моровая язва, самая ужасная из тех, о которых я знаю. Действительно, в Риме нередко умирало и по две тысячи человек в день. Многие, и не только в Городе, но и, можно сказать, по всей империи, погибали также от рук злодеев, которые смазывали маленькие иглы какими-то ядовитыми веществами и с их помощью отравляли людей, получая за это плату. Тоже самое некогда происходило и при Домициане» (Дион Кассий. Римская история, LXXIII, 14) [32].

Сведения, предлагаемые Дионом Кассием, весьма пространны. Наиболее

значимым из них является его сообщение о смертности: две тысячи умирающих в день. Для Рима это были большие цифры, но все же они были сопоставимы с теми, о которых сообщал Светоний применительно к эпидемии 64 г., когда за осень — три месяца — в Риме умерло тридцать тысяч человек. Однако, поскольку известно, что «чума» свирепствовала и в других местах, в том числе в расположениях армии, ясно, что жертвы были значительно больше, чем отмечает сам историк. Обращает на себя внимание и тот факт, что нечто похожее происходило и при императоре Домициане (81–96 гг.) Когда именно при Домициане и что происходило, Дион не поясняет, но несложно понять, что он ведет речь именно о какой-то болезни. Тем самым, следует заключить, что, по крайней мере, после 64 г. на территории Римской империи уже происходили отдельные вспышки инфекционных болезней, которым современники не придавали серьезного внимания. Наконец, Дион Кассий ничего не говорит о клинической картине болезни. Вместо этого он выдвигает конспирологическую версию о злоумышленниках с иглами. В этом нет ничего удивительного. Эпидемия, которую он наблюдал, была вспышкой неизвестной «новой болезни», и в отношении таких случаев чаще всего выдвигаются именно такие объяснения. Именно так рассуждал и Фукидид, обвинивший спартанцев в отравлении колодцев в Аттике в связи с «афинской чумой».

Император-философ Марк Аврелий, с именем которого обычно и связывается «Антонинова чума», о самой эпидемии сообщает еще более отвлеченным образом, причем в контексте своих моралистических поучений о том, как правильно умирать. «Испустить дух после того, как пресытился этим — хорошо, но уж не так. Или решиться приложиться к пороку, так что и опыт не убеждает тебя бежать этой чумы? а ведь погибель разума больше чума, чем какая-нибудь там дурная смесь и разворот разлитого вокруг дыхания. Ибо то — чума живых существ, поскольку они живые, а это — чума людей, поскольку они люди» (Марк Аврелий. Размышления, IX, 2) [33].

Геродиан, который в годы эпидемии, скорее всего, был еще ребенком, сообщает о ней следующее: «Случилось так, что в это время чумная болезнь охватила Италию; наибольшей силы болезнь достигла в городе Риме, который сам по себе многолюден и принимает приезжих отовсюду; погибало множество и вьючного скота, и людей. Тогда Коммод по совету некоторых врачей удалился в Лаврент: ведь это место, отличающееся благодатной прохладой и осененное лавровыми рощами (откуда происходит и название места), оказалось спасительным и, как говорили, сопротивлялось заражению воздуха благодаря благовонию лавровых испарений и приятной тени деревьев. Но и жители Рима по предписанию врачей наполняли ноздри и уши самым благовонным миром и постоянно употребляли курения и пахучие вещества, так как некоторые говорили, что благовоние, опередив, наполняет проходы чувствительных органов и препятствует восприятию вредоносного воздуха, а то, что раньше попадает туда, подавляется более мощной силой благовония. Болезнь тем не менее сильно свирепствовала, и погибло множество людей и живущих с людьми животных» (Геродиан. История императорской власти после Марка, I, 1, 1–2) [34].

Более поздний автор, Павел Орозий, вновь возвращаясь к событиям «Антониновой чумы», дает краткое, но весьма важное дополнение к общей картине этой эпидемии. «Марк Аврелий один управлял государством. Однако во время Парфянской войны по его приказу как в Азии, так и в Галлии были начаты суровые гонения на христиан... и многие святые приняли венец мученичества. За этим последовал мор, поразивший многие провинции, а всю Италию опустошила такая чума, что виллы, деревни и города, повсюду оставшиеся без землепашцев и

обитателей, превратились в руины и леса» (Орозий. История против язычников, VII, 15, 5) [35].

В целом, все античные авторы, свидетельствующие об эпидемиях 165–188 гг., остаются немногословными. Из их сообщений можно предположить, что Римская империя при Антонинах подверглась эпидемии оспы, но, возможно, также, что «Коммодова чума» 187–188 г. была какой-то еще болезнью, поскольку ее жертвами стали не только люди, но и животные. В любом случае, по силе своего совокупного воздействия все эти многолетние эпидемии нанесли Римской империи и всему Средиземноморскому миру огромный демографический урон. Обезлюдели целые города и многие виллы. Потери в войсках от эпидемии были огромными, и это не могло не сказаться на боеспособности римских легионов, по крайней мере в некоторых частях империи. Важно отметить также, что распространение эпидемии по времени совпало с гонениями на христианские общины, которые, впрочем, происходили и раньше. Можно только догадываться о том, как воспринимали эти события христиане. Видя, как встречаются смерть мученики от рук своих палачей, оставшиеся в живых видели, что «чума» забирает жизни и у их мучителей. Есть все основания предполагать, что христиане переносили эту эпидемию более стойко, чем остальные граждане Римской империи. Христианам всякая смерть открывала двери в Царствие Небесное, от которого отказывались язычники, умирающие от болезни без всякой надежды на спасение.

2.3 «Киприанова чума»

Прекращение «Антониновой чумы» дало передышку Римской империи, которая длилась более полувека. Период прохладного и сухого климата опять сменился более теплым и влажным периодом, но вернуться на свой прежний уровень хозяйство Римской империи уже не могло. Повсюду в провинциях уже не хватало рабочих рук, поэтому в стремлении повысить производительность труда элита стремилась к тому, чтобы заполучить новых рабов и поэтому побуждала власти к новым завоеваниям. В этих условиях нещадной эксплуатации трудящегося населения империи и продолжающегося стремления элиты сохранить свой прежний образ жизни с его демонстративно высоким уровнем потребления в низах римского общества более широкое хождение получили религиозные культы, обещающие утешение и спасение. Одним из них уверенно становилось христианство, которое в прошлом столетии было почти незаметным явлением — маленькой сектой в море язычества, проповедующей Царство Небесное.

Новая волна эпидемий прокатилась по территории Римской империи в 250–270 гг., войдя в историю как «Киприанова чума». Свое название она получила по имени Киприана Карфагенского — христианского писателя, пережившего эпидемию и оставившего о ней свидетельства. Согласно недавним исследованиям К. Харпера, этиология этой инфекции остается неясной, но ей могла быть неизвестная разновидность геморрагической лихорадки [36, 37, 38]. Существует также мнение, что «чума Киприана» могла быть вспышкой двух разных инфекций — оспы и кори [1].

Реакция языческого римского общества на новую эпидемию была удручающей. Подавляющее большинство людей стремились избегать друг друга. Граждане скрывались в своих домах и виллах, не желая откликаться на чужие просьбы о помощи. Однако, когда они сами заболели и оставались лежать в своих постелях без всякой помощи, то многие, обессилив, просто умирали от жажды и голода, ибо некому было подать им воды и пищи. На этом фоне реакция

немногочисленных приверженцев христианства на эпидемию была совершенно противоположной. Христиане без страха оказывали помощь нуждающимся, ухаживая как за своими единоверцами, так и за язычниками. Это способствовало росту доверия римских граждан к христианству, которое становилось все более привлекательной религией из-за своего милосердия.

Киприан в своей небольшой книге «О смертности», которая была прежде всего моралистическим произведением, неоднократно обращается к своим читателям-христианам и побуждает их быть бесстрашными перед «чумой». «Хотя у весьма многих из вас, возлюбленнейшие братья мои, и ум тверд, и вера крепка, и душа благочестива так, что при настоящей чрезмерной смертности не колеблется... однако в народе я замечаю и таких, которые, или по малодушию, или по зловерию, или по привязанности к временной жизни, или по нежности пола, или, что гораздо хуже, по уклонению от истины не так мужественно стоят и не обнаруживают в сердце своем божественной непобедимой силы... Ведь Господь предвозвестил, что все это будет; предусмотрительно убеждая, поучая, приготавливая и ободряя народ своей Церкви к полному перенесению будущих зол. Он ясно предсказал, что будут по местам войны, голод, землетрясение и мор... Правда, некоторых смущает, что нынешняя болезненная язва поражает наших наравне с язычниками: как будто христианин для того только и уверовал, чтобы бедствия не касались к нему и он, при наслаждении мирским временным счастьем, свободный от всяких зол, сохранен был для будущей радости... Доколе мы находимся здесь, в мире, доколе мы связаны с родом человеческим одинаковостью плоти, а отделяемся духом. И потому пока это тленное не облечется в нетеление, и это смертное не облечется в бессмертие» [39].

Огромное преимущество христиан перед язычниками, которое выявилось в период эпидемии, состояло в том, что их вероучение неизменно наполняло их собственную жизнь смыслом, и этот смысл они не теряли даже перед лицом неожиданной смерти. Избавление от страданий было целью их земного существования, поэтому эпидемия воспринималась как избавление от страдания. Видение Царства Небесного было для христиан утешением даже тогда, когда гибли не только сами они, но и их родственники и друзья. Присутствие Бога в сердце наполняло жизнь христиан смыслом и силой, позволяющей спокойно и даже радостно встречать не только периоды процветания, но и периоды бедствия. В то время, как гордость и слава язычников были повсюду сокрушены, христианская вера придавала твердое основание для существования в условиях тяжелейшего испытания, которым и была эпидемия. Как писал Киприан, «какая высота — стоять прямо среди развалин рода человеческого и не преклоняться долу вместе с теми, кои не имеют никакой надежды на Бога! Почему надлежит радоваться и дорого ценить дар настоящего времени, в которое мы можем выказать крепость нашей веры, перенесши тяготу его придти ко Христу тесным путем Христовым, и затем на суде Его получить награду жизни и веры» [39].

Подобно Киприану, Евсевий Кесарийский также сравнивает реакцию на «чуму» со стороны язычников и христиан, отмечая силу духа последних и их способность спокойно переносить испытания эпидемией. «После короткой передышки обрушилась на нас эта болезнь — для них самое страшное из всего страшного, из всех бед самая жестокая и, как говорит их собственный писатель, событие исключительное, какого никто не мог ожидать. Для нас оно таким не было; как и в других случаях, Господь нас испытывал и закалял. Болезнь не обходила и нас, но поражала язычников больше». Со слов Евсевия, христиане не боялись брать больных и умирающих в руки, кормить и омыwać их. «Язычники вели себя совсем

по-другому: заболевавших выгоняли из дома, бросали самых близких, выкидывали на улицу полумертвых, оставляли трупы без погребения, так как боялись смерти, отклонить которую при всех ухищрениях было не легко» (Евсевий Кесарийский. Церковная история, VII, 22) [40].

С началом эпидемии ее жертвами на территории Римской империи стали, прежде всего, жители больших городов — Рима, Александрии, Карфагена, Антиохии. В отдельные периоды в них умирало по пять тысяч человек ежедневно. В числе первых от эпидемии скончался император Гостилиан (251 г. до н.э.) Наряду с ним умерло много других знатных людей и крупных землевладельцев. Комментируя этот эпизод, Павел Орозий писал: «Последовало мщение за поруганное имя христианское, и все то время бушевала гроза невероятных болезней, пока эдикты Деция старались сокрушить повсюду Церкви. Не было почти ни одной римской провинции, ни единого города, ни одного дома, которые бы не оказались поражены и обескровлены той поразившей всех чумой» (Орозий. История против язычников, VII, 21, 4) [35].

Евсевий Кесарийский обратил внимание на то, что она ударила в основном по людям старше сорока лет. «И еще удивляются и недоумевают, откуда непрекращающаяся зараза, откуда тяжкие болезни, откуда самые разнообразные уродства, откуда эта многообразная и высокая смертность! Почему в огромном городе раньше было больше так называемых “недозревших стариков”, которых он кормил, чем сейчас всего населения, начиная от маленьких детей и до глубоких старцев? Людей от сорока до семидесяти лет было так много, что с их числом не может сравниться число людей от четырнадцати до восемнадцати лет, занесенных в особые списки и живущих на государственном довольствии. Юные с виду кажутся давно состарившимися» (Евсевий Кесарийский. Церковная история, VII, 21) [40].

Когда эпидемия завершилась, выяснилось, что во многих местах некому даже обрабатывать землю. По этой причине в годы правления Диоклетиана (285-305 гг.) пришлось издавать специальные законы, предписывающие землевладельцам прикреплять своих рабов к земле и поручать им ее обработку. Государственная казна в Риме остро нуждалась в средствах, необходимых для содержания армии, а городская знать, привыкшая к роскоши, уже более не могла придерживаться традиционного римского стиля жизни и вынуждена была обращаться к более скромному существованию. В этих условиях все больше представителей знатных семей обращали свои взоры к кресту и христианской вере. Незабываемый пример Христа, которому новое вероучение приписывало удивительную способность спасать немощных и страдающих, сделал христианство наиболее привлекательной для многих формой религиозного ответа на вызов новой болезни. Спустя столетие в Эдессе и других городах на востоке Римской империи на фундаменте этого религиозного чувства возникла новая культурная практика — создание больниц, где заботились о страдающих [41].

В целом, эпидемии II и III вв., имевшие место в Средиземноморском мире, прежде всего «Антонинова чума» и «Киприанова чума», способствовали подрыву демографического потенциала Римской империи, ее экономической и военной мощи. Ответом на этот масштабный кризис стало широкое распространение христианства на территории Римской империи и последующее ее превращение в главную религию спасения Поздней Античности. Приход христианства продлил жизнь Римской империи, в частности на востоке, где ее историческим преемником стала христианская Византийская империя.

3 «Юстинианова чума» и судьба христианства на Востоке

Эпидемии II и III вв. ослабили Римскую империю, но не привели к ее разрушению. «Антонинова чума» случилась как гром среди ясного дня, но приход «Киприановой чумы» для многих уже казался закономерным явлением. После завершения эпидемий третьей четверти III в. Римская империя смогла добиться внутренней стабилизации, но во многом она уже не могла быть прежней: границы империи, особенно на Востоке, становились все менее целостными; экономика функционировала в новом режиме — для обработки земли практиковалась система колоната, а торговля на большие расстояния существенно сократилась; в духовно-идеологическом плане все большее значение приобрело христианство, которое в IV в. стало официальной религией империи. Многовековое противостояние Средиземноморского мира с Ближневосточными цивилизациями, принявшее форму сначала борьбы Рима и Парфии, а затем Византии и Персидской империи Сасанидов, породило к жизни уникальную ситуацию, когда на некоторый период христианство стало идеологической основой обеих империй. Возможно, у христианства был шанс стать главной мировой религией уже в VI в., но именно в это столетие на территориях непосредственного соприкосновения Рима и Персии разразился очередной эпидемический кризис, который стал самым значительным из всех, которые знала прежняя история. Знаменитая «Юстинианова чума» (541–750 гг.) нанесла катастрофический удар по обеим империям, повлияв самым драматическим образом и на реализацию ими своих идеологических проектов. В рамках предлагаемого фрагмента исследования планируется акцентировать внимание на том, как эпидемии этого времени сказались на судьбах христианства на Востоке, прежде всего на территориях Византийской и Персидской империй.

3.1 «Юстинианова чума» по свидетельствам византийских историков

Вспыхнувшая в Средиземноморье 541 г. эпидемия бубонной чумы потрясла воображение современников. В отличие от эпидемий II и III вв. она продолжалась не двадцать лет, а два столетия. Число ее жертв исчислялось миллионами. С легкой руки Э. Гиббона в историческую науку некогда вошла цифра 100 млн человек. Возможно, она сильно преувеличена, но в любом случае масштаб демографических потерь от этой эпидемии был огромным. Свидетельства о ней дошли до нашего времени на четырех языках — греческом, сирийском, арабском и латинском [42].

Из греческих текстов наибольшее значение имеют труды византийских историков — Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского и Евагрия Схоластика. Первый из них оставил впечатляющее описание эпидемии в Константинополе в 541 г., второй — описание эпидемии, случившейся в Константинополе весной 558 г., третий — описание эпидемии в сирийской Антиохии в 594 г. Из латинских авторов важно упомянуть Григория Турского, сообщавшего о вспышке чумы в долине Роны в 543 г. Из сирийских авторов заслуживает упоминания Иоанн Эфесский, писавший о чуме в «Церковной истории» и «Житиях восточных святых». Среди арабских авторов, свидетельствующих о чуме, следует указать Аль-Асмаи, Аль-Мадаини и Аль-Мубаррад: все они жили в IX в. и свидетельствовали о поздних отголосках «Юстиниановой чумы». В рамках данного исследования мы обратим внимание только на свидетельство византийских авторов, поскольку их сообщения имеют прямое отношение к нашему тезису о влиянии эпидемии на судьбы восточного

христианства.

Прокопий Кесарийский как официальный византийский историк императора Юстиниана дал наиболее образцовое описание чумы в Византии, к которому позже обращались и другие авторы. Прокопий пишет следующее: «Около этого времени распространилась моровая язва, из-за которой чуть было не погибла вся жизнь человеческая... Причину же этого бедствия невозможно ни выразить в словах, ни постигнуть умом, разве что отнести все это к воле Божьей. Ибо болезнь разразилась не в какой-то одной части земли, не среди каких-то отдельных людей, не в одно какое-то время года, на основании чего можно было бы найти подходящее объяснение ее причины, но она охватила всю землю, задела жизнь всех людей, при том что они резко отличались друг от друга; она не щадила ни пола, ни возраста» (Прокопий Кесарийский. Персидские войны, II, 22). Он сообщает, что болезнь не настигала людей разных занятий, живших в разных местах, во всякое время года. «Началась она у египтян, что живут в Пелусии. Зародившись там, она распространилась в двух направлениях, с одной стороны на Александрию и остальные области Египта, с другой стороны — на соседних с Египтом жителей Палестины, а затем она охватила всю землю, продвигаясь всегда в определенном направлении и в надлежащие сроки. Казалось, она распространялась по точно установленным законам и в каждом месте держалась назначенное время. Свою пагубную силу она ни на ком не проявляла мимоходом, но распространялась повсюду до самых крайних пределов обитаемой земли, как будто боясь, как бы от нее не укрылся какой-нибудь дальний уголок... тех жителей, которых она прежде жестоко поразила, она больше не трогала, однако, уходила из этой страны не раньше, чем отдаст точную и определенную дань смерти, погубив столько, сколько она погубила в предшествующее время в соседних землях. Начинаясь всегда в приморских землях, эта болезнь проникала затем в самое сердце материка. На второй год после появления этой болезни она в середине весны дошла до Византия, где в ту пору мне довелось жить» (Прокопий Кесарийский. Персидские войны, II, 22) [43].

Для многих историков крайне важным оставалось сообщение Прокопия о том, что чума началась в дельте Нила, в Пелусии, и лишь потом достигла Палестины и Константинополя. Это сообщение позволило сделать вывод о том, что в столицу Византии, как и в некоторые другие места, чума могла быть занесена на торговых судах, вместе с крысами — естественными разносчиками чумных блох и микробов чумы. Отсюда и замечание Прокопия о том, что чума всегда начиналась в приморских землях. Ценны также и его сведения о клинической картине болезни, из которых следует, что на телах больных появлялись чумные бубоны; те больные, у которых бубоны нагнаивались, имели значительные шансы на выздоровление. Тем не менее для нашего исследования более интересна его информация о социальных проявлениях эпидемического кризиса.

В этой части своего повествования Прокопий, как и многие до него, идет за Фукидидом, изображая драматическую картину распада сложившегося социального порядка. «В Византии болезнь продолжалась четыре месяца, но особенно свирепствовала в течение трех. Вначале умирало людей немногим больше обычного, но затем смертность все более и более возрастала: число умирающих достигло пяти тысяч в день, а потом и десяти тысяч и даже больше... В первое время каждый, конечно, заботился о погребении трупов своих домашних... Но затем все у всех пришло в беспорядок. Ибо рабы оставались без господ, люди, прежде очень богатые, были лишены услуг со стороны своей челяди, многие из которой либо были больны,

либо умерли; многие дома совсем опустели... Когда все прежде существовавшие могилы и гробницы оказались заполнены трупами, а могильщики, которые копали вокруг города во всех местах подряд и как могли хоронили там умерших, сами перемерли, то, не имея больше сил делать могилы для такого числа умирающих, хоронившие стали подниматься на башни городских стен... Подняв крыши башен, они в беспорядке бросали туда трупы, наваливая их, как попало... Из-за этого по городу распространилось зловоние, еще сильнее заставившее страдать жителей... Все совершаемые при погребении обряды были тогда забыты» (Прокопий Кесарийский. Персидские войны, II, 23) [43].

Однако именно в этой части повествования между Фукидидом и Прокопием начинаются некоторые различия. У Фукидида эпидемия стала поводом для разгула безнравственных чувств и отступления от всех привычных форм благочестивого поведения. У Прокопия же мы видим, что все ограничивается только неспособностью осуществить должным образом погребальные ритуалы. В языческих Афинах V в. «чума» вызвала к жизни многие подавляемые прежде инстинкты и желание перед смертью насладиться жизнью, в христианском Константинополе вместо этого воцарились скорбь и смирение. «Даже те, кто раньше предавался позорным страстям, отказались от противозаконного образа жизни и со всем тщанием упражнялись в благочестии» (Прокопий Кесарийский. Персидские войны, II, 23 [43]). Впрочем, согласно Прокопию, как только болезнь отступала, люди вновь забывали о благочестии и начинали вести более раскрепощенный образ жизни. В заключении своего повествования об эпидемии Прокопий также отмечает, что она прервала всякую экономическую активность. Некому стало трудиться, некому стало поставлять продукты на рынки. В городе начался голод. Столь же ужасные разорения чума вызвала по всей римской земле, а также в Персии и варварских землях.

Последователь Прокопия Агафий Миринейский описал эпидемию чумы, настигшую Константинополь спустя 17 лет. «В том же году с началом весны чума, которая никогда совершенно не прекращалась, снова обрушилась на город... Теперь же опять возвратилась в Византию, как будто раньше чем-то обманутая и раньше времени ушедшая оттуда. Итак, умирали многие внезапно, как будто пораженные сильной апоплексией. Те же, кто был наиболее вынослив, не переживали пятого дня. Течение болезни имели много сходства с предшествующей эпидемией. Горячки с нарывами были продолжительные, а не однодневные... И поражался всякий возраст без различия, а в особенности люди цветущего возраста и молодые» (Агафий. О царствовании Юстиниана, V, 10) [44]. Агафий не оставил никаких сведений об изменении социальных нравов. Возможно, в таком описании уже больше не было необходимости, но скорее всего в реальности ничего такого и не происходило — эпидемия уже никого не удивляла, и людям просто приходилось стремиться выжить в эти трудные времена.

Антиохийский юрист Евагрий Схоластик описал эпидемию, случившуюся по ту сторону Средиземного моря. «расскажу также о вспыхнувшей болезни, которая царит уже пятьдесят два года — о таком прежде не было известно — и которая распространилась по всей земле... Тогда говорили, да и теперь [говорят], что она началась в Эфиопии. И она пронеслась поочередно по всем частям вселенной, не позволив, я думаю, никому из людей избежать этого несчастья. А некоторые города в такой степени стали ее добычей, что совершенно обезлюдели. Однако были и места, где, побывав, это бедствие прошло более легко. Оно не обрушивалось с какой-то определенной периодичностью и, придя, не отступало одним и тем же

образом; но оно поражало одни места в начале зимы, другие — в течение весны, третьи — во время жатвы, а кое-где — с приходом осени. А было и так, что, свирепствуя в одних частях города, [чума] обходила стороной другие... Самым невероятным было то, что если случалось жителям городов, подвергшимся [эпидемии], переехать в другое место, которое избежало этого несчастья, то недугу подвергались только люди, которые, убежав из городов зараженных, обитали в этих незараженных городах. И это многократно случалось в городах и других местах на протяжении целых циклов, называемых индиктионами. А самая ужасная гибель, пожалуй, обрушивалась на людей в первый или второй год пятнадцатилетнего цикла... И [способы] заражения были различны и превыше разумения. Ибо одни умирали лишь от того, что или общались, или жили вместе [с больными], другие же — только прикоснувшись [к ним], третьи — оставшись [у них] дома, четвертые — [встретившись с ними] на агоре¹; а некоторые, убежав из пораженных [чумой] городов, избежали ее, передав болезнь здоровым. Иных же она вообще не затронула, хотя они жили вместе со многими заболевшими и прикасались не только к больным, но даже к умершим; а другие, страстно желавшие умереть из-за полной гибели детей и домов своих и ради этого пребывавшие вместе с больными, оставались, однако, невредимыми, словно недуг состязался с их намерением. Это зло извергалось по сей день в течение, как мною было сказано, пятидесяти двух лет, превзойдя все прежние» (Евагрий Схоластик. Церковная история, IV, 29) [45].

Свидетельства трех византийских историков охватывают период протяженностью в 52 года. В сущности, это была всего лишь четвертая часть от общего периода распространения эпидемий бубонной чумы в Средиземноморье. В этих описаниях обращают на себя внимание следующие моменты. Во-первых, картина внутреннего спокойствия, можно даже сказать, принятия византийским обществом ужасов эпидемии как чего-то почти привычного: это была жизнь в условиях подлинного Конца Света, который то наступал, то отступал вновь, но уже больше не прекращался. Во-вторых, обращает на себя внимание попытка византийских властей хоть как-то повлиять на ситуацию; Прокопий, в частности, сообщает, что император поручил одному из своих приближенных выделять средства на погребение трупов, оставшихся без всякого попечения. В-третьих, весьма примечательным остается тот факт, что Византия продолжала держать удар на протяжении всех тех долгих десятилетий, что бушевала эпидемия; в этом было ее отличие от Западной Римской империи, которая после «чумы Киприана» все время катилась к упадку, пока, наконец, не рухнула в V в. под натиском варваров.

Пытаясь оценить причины стойкости Византийской империи перед лицом «Юстиниановой чумы», можно говорить о нескольких вещах. Прежде всего, о том, что византийцы, которые считали себя наследниками римлян и греков, на самом деле были еще молодым народом, находившемся в самом начале своей истории и поэтому не успевшим впасть в моральное разложение, как это имело место в Риме. Кроме того, можно говорить также о некоей силе привычки, которая выработалась у византийцев применительно к эпидемии: как это не трудно, но жить можно и в условиях постоянного кризиса, даже в условиях катастрофы. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и фактор религиозной веры, которая, несомненно, была весьма сильна в этот момент в народе; став христианским народом всего два века назад, византийцы в массе своей встретили вызов эпидемии по-христиански — без ропота и со смирением.

3.2 Климат, чума и Средиземноморский мир

Вопрос о причинах «Юстиниановой чумы», с точки зрения медицинской микробиологии, до конца еще не решен. Когда в 1894 г. во время эпидемии бубонной чумы А. Йерсен и Ш. Китасато открыли ее возбудителя — бактерию *Yersinia pestis*, впервые стало ясно, что у чумы есть свой собственный микрпатогенный агент. В 1901 г. Ч. Ротшильд во время египетской экспедиции открыл естественного переносчика чумной палочки — крысиную блоху *Xenopsylla cheopis*, после чего стал ясен весь механизм передачи инфекции человеку — через укусы блох, паразитирующих на мелких животных, — крысах и прочих грызунах. В 1897 г. «отец бактериологии» Р. Кох, отправившись в научную экспедицию в Индию и Восточную Африку, объявил о существовании естественных очагов чумы. Наиболее древним из них был назван эндемичный очаг чумы у истоков Нила возле озера Виктория, где обитает невероятное обилие крыс, среди которых часто случается падеж [46].

На рубеже XIX и XX вв., когда началось формирование научных представлений о бубонной чуме, среди микробиологов и эпидемиологов преобладала «заносная теория», согласно которой в подавляющем большинстве случаев случающиеся вспышки чумы являются следствием заноса чумной инфекции из немногочисленных естественных очагов чумы, таких, как Восточная Африка или Индия. После открытия в начале XX в. Д.К. Заболотным еще одного природного очага чумы в Забайкалье и северной Монголии, общее количество природно-очаговых зон чумы дошло до трех. Между тем с учетом «имперского» по своему происхождению характера ранней микробиологии ученые из европейских стран довольно долго не принимали мысль о том, что очаги чумы могут существовать и на территориях их собственных стран. В этом нашли проявления так называемые «культурные предрассудки» в науке [47].

В современной отечественной микробиологии «заносная теория» постепенно была вытеснена концепцией множественной природной очаговости, которая позволила объяснить не только современные случаи эпидемий чумы, но и целый ряд исторических случаев. Так, М.В. Супотницкий и Н.С. Супотницкая приводят убедительные доказательства в пользу существования реликтовых очагов чумы в странах Средиземноморья и континентальной Европы. В их числе очаги чумы на Балканах, в долинах Дуная, По, Арио, Вольтурны, Гаронны, Роны, Рейна, Эльбы, на Сицилии, Пиренеях, в Англии, северо-восточной Франции и других местах. В условиях влажного и теплого климата все эти очаги остаются «спящими», но при относительном похолодании, когда происходит разрушение экосистем с участием *Yersinia pestis* и высвобождение патогенов из своего природного резервуара, эти очаги разогреваются и становятся эпицентрами инфекции. Далее вместе с колониями переносчиков — крыс или других грызунов — инфекция достаточно быстро разносится на огромные расстояния и проникает в человеческие поселения. Именно такой механизм, по словам исследователей, был запущен и в VI в., когда по всему Средиземноморскому миру разразилась чума [48].

Данное объяснение причин чумы, начавшейся в дельте Нила и далее распространившейся в приморских районах Ближнего Востока и континентальной Европы, видится вполне оправданным. Оно позволяет объяснить и сведения, сообщаемые Евагрием Схоластиком, о том, что чума появлялась в одних и тех же местах с периодичностью раз в пятнадцать лет. Данная закономерность, очевидно, может быть вызвана только климатическими колебаниями.

М.В. Супотницкий и Н.С. Супотницкая напоминают о том, что первой вспышке чумы (541 г.) предшествовал целый ряд теллурических процессов —

извержения вулканов и землетрясения в средиземноморских странах, а также активизация некоторых других инфекционных болезней, в частности проказы и оспы. Согласно выводам этих ученых, такими особенностями сопровождалась вся первая пандемия чумы (541–750 гг.), а также две последующие — «Черная смерть» позднего Средневековья и пандемия, начавшаяся в Гонконге (1894 г.).

Оценки демографических потерь, нанесенных «Юстиниановой чумой» человечеству, все еще остаются предметом дискуссий. В классическом исследовании, предпринятом Дж. Расселом, на огромном количестве разных фактов, выдвигается предположение, что следствием этой эпидемии стало сокращение населения в мире на 40%. Ученый тщательно анализирует ситуацию во всех основных регионах, затронутых эпидемией, сравнивая данные для эпохи императора Августа (I в. н.э.), начала четвертого века (после «Киприановой чумы»), накануне «Юстиниановой чумы» (543 г.) и к концу этого длительного «популяционного надира» (950 г.) Он сравнивает численность популяций в Римском Египте, Сирии, Балканской Греции (Византия после создания халифата), Галлии и констатирует, что повсюду, особенно в местах с более влажным климатом имел место упадок численности населения [23].

Выводы Дж. Рассела неоднократно пытались перепроверить другие специалисты, в том числе с опорой на письменные источники и данные археологических исследований. В недавних исследованиях по этому вопросу показано, что из всех эпидемий позднего античного мира — «Антониновой чумы», «Киприановой чумы» и «Юстиниановой чумы» — именно последняя нанесла наибольший ущерб демографическому потенциалу человечества, в частности народам Средиземноморского мира. Применительно к Сирии, которая была зоной спорных интересов между Византией и Персией, сведения из сирийских письменных источников, как считает М. Морони, не смогут дать ничего нового в уже сложившуюся картину эпидемиологических последствий для этого региона. По словам исследователя, чума была лишь частью других драматических событий — войн, землетрясений, голода и наводнений, от которых тоже гибли массы людей, но все же жизнь продолжалась: заново отстраивалась Антиохия, возводились плотины, продолжалась экономическая деятельность [49]. Что касается археологических источников по Сирии, то, согласно Х. Кеннеди, они позволяют о том, что новое жилищное строительство на территории Сирии в V и VI вв. практически прекратилось, хотя население не покидало свои старые дома и продолжало их ремонтировать. По его мнению, археологические данные подтверждают выводы историков о тяжелых демографических последствиях эпидемии, но сами по себе эти данные мало что объясняют — их следует проверять именно посредством обращения к письменным свидетельствам [50].

Если исходить из приведенных выше сведений, то, очевидно, следует полагать, что «Юстинианова чума» была не только экстраординарным бедствием, которое обрушилось на Средиземноморский мир в VI–VIII вв., но и представляла собой одну из целого ряда катастроф позднего античного мира. Как показывает К. Харпер, процесс изменения климата, начавшийся на планете в начале I тыс. н.э., достиг осязаемых пределов к середине IV в. В этот момент по всей Евразии стало прохладно и сухо, а бывшие регионы с влажным и теплым климатом, такие, как Средиземноморье, стали более засушливыми и прохладными. Климатический оптимум прежних столетий закончился, но этот процесс происходил не поступательно, а рывками. Периодически становилось теплее, но в целом средние температуры на Земле опускались ниже. С пульсацией этих температур, как мы

полагаем, были связаны и вспышки чумы в Средиземноморском мире. При этом, согласно К. Харперу, изменение климата вызвало не только пробуждение эпидемий, но и глобальный голод по всему северному полушарию. Кочевые народы евразийских степей были вынуждены сняться со своих мест и двинуться в поисках более изобильных пастбищ, угрожая благополучию земледельческих цивилизаций, таких, как Рим и Персия [38]. В сознании образованных современников все эти события сливались в единую апокалиптическую картину. В работах христианских писателей образ четырех всадников Апокалипсиса — чумы, голода, войны и смерти — предстал как наиболее закономерный образ Конца времен.

3.3 Войны Византии и Персии, чума и судьба христианства на Востоке

В первой трети III в. на Ближнем Востоке произошло возрождение Персидского государства. Новая династия Сасанидов вырвала власть из рук Парфянских правителей и начала стремительно строить собственную империю. Составной частью этого процесса стал курс на провозглашение преемственности с древней Персидской империей Ахеменидов, а также объявление зороастризма официальной религией нового государства. В свете этой новой религиозной политики на всей территории Персии начались преследования иноверцев — иудеев, буддистов и христиан. Возглавляли эту репрессивную деятельность священники-зороастрийцы, которых лично поддерживал новый шах. Однако уже к концу III в. политика создания монолитного зороастрийского государства сменилась политикой создания всемирной империей. Репрессии против христиан в Персии прекратились, и христианские церкви стали свободно себя чувствовать по всей стране. По мнению А. Уильямса, сильному Сасанидскому шаху не было нужно добиваться расположения зороастрийского духовенства, поэтому христиане стали чувствовать себя вольготно [51]. Сходным образом ситуация развивалась и на территории Римской империи, где вплоть до самого начала IV в. имперские власти видели в христианах своих врагов и подвергали их мученическим истязаниям. Однако после того, как в 313 г. был принят Миланский эдикт, римский император решил официально разрешить христианство на территории всей империи. Прошло еще несколько лет, и Константин I заявил, что начинает также поддерживать христиан по всему миру, в частности в Персии. Заявление императора о готовности поддерживать христиан в Персии, вызвало возмущение со стороны персидского шаха. В итоге, на персидских христиан обрушилась новая волна репрессий [52].

На протяжении всего IV в. наследники императора Константина делали все для укрепления христианской религии в своей империи [53], однако позиция Рима по отношению к Персии во второй половине IV в. с враждебной вынужденно сменилась на союзническую. Так же изменилась и политика Персии по отношению к Византии. У обеих империй обнаружился новый общий враг — степные кочевники, которые двинулись из евразийских степей в поисках новых пастбищ и завоевания богатств богатых оседлых народов. Шедшие в этой волне многочисленные степные народы наводнили северо-восточные области Персии, а на западе прорвали границу римской империи [38].

После нескольких десятилетий просачивания на территорию Римской империи, варвары, наконец, подошли к стенам самого Рима, и в 410 г. после нападения на него вестготов Алариха Вечный Город пал. Это было началом конца Западной Римской империи, который окончательно наступил в 476 г. На этом фоне императоры Восточной Римской империи начали проводить полную мобилизацию

остатков римских земель, сумев справиться с этой целью только к концу первой четверти VI в. при Юстиниане. Почти зеркальные процессы происходили и на территории Персии, где долгий кризис, вызванный вторжением кочевников, закончился к началу правления шаха Хосрова I. Оба этих великих правителя не только сумели, фактически, заново выстроить собственные империи, но и вернули всю мировую историю к исходному состоянию, когда ее пульс определялся из двух главных мест — греко-римского Средиземноморья и персидского Ближнего Востока.

Оба великих правителя с ревностью относились к успехам друг друга, и использовали все возможные способы, чтобы укрепить собственные позиции перед лицом друг друга. Одним из них стало использование религиозной карты. Император Юстиниан вслед за своими предшественниками заявлял о себе как ревнитель христианской веры во всем мире. Однако и шах Хосров также публично приветствовал лидеров христианских общин на своей территории. Христианизация народов на территории Персидской империи зашла так далеко, что к концу VI в. при Хосрове II христианство приняли даже некоторые тюрки с северо-восточных окраин Персидской империи. Византийский историк Феофилакт Симокатта сообщает, что, когда в руки византийского императора Маврикия попали некоторые из таких тюрков, они признались ему, что исповедуют веру Христа. «На лбу у этих пленников был вырезан знак страданий господних. У исповедующих христианскую религию он называется крестом, Император стал спрашивать у варваров, что означает этот знак. Они ответили, что получили его от матерей: когда у живших на востоке разразилась сильная моровая язва, то по настойчивому совету некоторых христиан они острием накололи на лбу у мальчиков этот знак» (Феофилакт Симокатта. История, V, 10) [54].

Новые греко-персидские войны, начатые друг против друга Юстинианом I и Хосровом I и продолженные их преемниками, стали началом трагического ослабления обеих империй. Для Византии они закончились утратой значительной части территорий, а для Персии — полной гибелью и исчезновением империи. Фактическая сторона военных столкновений между Византией и Персией хорошо известна, поскольку, начиная с Прокопия Кесарийского целый ряд авторов во всех подробностях описал эти военные действия. Примечательно, что они велись на те же самых территориях и в то же самое время, когда там свирепствовала «Юстинианова чума». Без всякого сомнения, эти военные действия истощили ресурсы обеих империй. Так, когда Юстин II, племянник Юстиниана, в 565 г. взошел на трон, он казна Византии истощена и не на что содержать войско. В 588 г. византийскому императору вновь пришлось снижать оплату своим войскам, а в 602 г. из-за снижения оплаты солдатам в стране произошел переворот, и центурион Фока силой сместил с трона императора Маврикия [55].

После 620 г. военные действия между Византией и Персией приняли совершенно невообразимый характер. Чаша весов колебалась в ту и другую сторону. Персами был захвачен Иерусалим — «духовная столица» Византийской империи, но затем византийцам удалось его отбить. Вскоре за этим последовала осада персами Константинополя, за которой сразу же последовал ответ, и византийцы вплотную придвинулась к Ктесифону. Персидская империя, фактически, переживала коллапс, а Византия была на пределе своих возможностей, когда на пространство, где велись военные действия, вторглась новая сила — мусульмане из Аравии. Мобилизованные пророком Мухаммадом племена Аравийского полуострова, пошли за его обещаниями справедливости, земных богатств и небесного блаженства, равно видя в

византийцах и персах тех, кто причиняет им зло и страдания своими бесконечными войнами. Согласно Дж. Говарду-Джонстону, военный успех армии мусульман был фантастическим. В 636 г. при Кадисии мусульмане наголову разбили персидское войско, и в том же году на реке Ярмук было разгромлено византийское войско, предводитель которого совершенно недооценил арабскую кавалерию. Предпринятый историком анализ мусульманских источников, свидетельствует о полной деморализации и персов, и византийцев [56]. Ктесифон пал, а Константинополь устоял, возможно, лишь потому, что был защищен стенами и к тому же находился более далеко от первоначальной арены военных действий.

В первые годы своего существования ислам воистину был космополитичной религией, идейное содержание которой было нелегко отличить от других авраамистских религий. Пророк Мухаммад и его ближайшие последователи уважительно относились к другим конфессиям, особенно к иудеям и христианам, поэтому распространение ислама происходило почти бескровно, а города сами открывали ворота мусульманской армии освободителей. Лишь спустя столетия, когда началась исламизация народов бывшей Персидской империи, зороастрийцам, иудеям и христианам пришлось делать для себя непростой выбор. Нельзя сказать, что исламизация была принудительной, но таких случаев все же известно достаточно. Восточные христианские церкви на территории халифата продолжали существовать, но с каждым десятилетием число их приверженцев становилось меньше. Особенно это видно в настоящее время, когда после 14 столетий на территориях, где некогда преобладало восточное христианство, простерлось безбрежное мусульманское море. Рассуждая чисто гипотетически, можно предположить, что ничего этого могло бы не быть, если бы не византийско-персидские амбиции и выросшие из них войны, которые принесли народам Ближневосточного мира столько же зла, сколько и Юстинианова чума, которая стала спутником всех этих процессов.

Что касается Византийской империи, то она устояла под ударами халифата, но сильно сократилась в своих границах и демографическом потенциале. В долгосрочной перспективе можно отметить, что ни Византийским императорам, ни западным Каролингам не удалось воссоздать из доставшихся им обломков прежней Римской империи. Напротив, свежий ветер ислама, повеявший из пустынь Аравийского полуострова, донесся до самых западных окраин Средиземноморья, вследствие чего огромная часть Византийских территорий и все территории Сасанидов стали частью огромного исламского государства. Персия с ее многочисленными христианскими общинами ушла в историческое небытие, а Византия еще семь столетий продолжала следовать своей судьбе, борясь сначала за лидерство с халифатом, а потом — просто за выживание.

Невозможно утверждать, что чума прямо повлияла на судьбу христианства на Востоке, поскольку и другие факторы тоже имели большое значение в этом длительном процессе отступления христианства со своих исконных территорий. Первоначальное христианство было христианством пустынь и восточных ландшафтов, но все эти образы теперь существуют только на страницах христианской литературы. В настоящее время бывший Константинополь (Стамбул) и весь огромный мир к востоку от него вплоть до границ Индии знает христианство исключительно как реликтовое явление.

В целом, эпидемия «Юстиниановой чумы» (541–750 гг.) стала наиболее значительным кризисом в восточной части Средиземноморья и на Ближнем Востоке, обозначившим переход от Античности к Средневековью. Охватив территорию

Византии и Персидской империи Сасанидов, которые, кроме того, вступили в затяжное военное противостояние друг с другом, эта эпидемия способствовала распаду Персидской империи и подрыву могущества Византии. На территории, которые прежде контролировались этими империями, в первой половине VII в. пришла новая форма религии — ислам. Вследствие этого судьба восточного христианства была предрешена, и началась исламизация этого обширного региона.

Заключение

По итогам проведенного были получены следующие выводы.

Эпидемии всегда становились вызовом для того или иного общества, которому приходилось искать на него подходящую форму ответа. Отличительной чертой эпидемий античного мира было то, что они не только нанесли огромный ущерб существующим социальным системам и политическим институтам, но и породили к жизни новые формы религиозности. Эпидемия «афинской чумы» V в. до н.э. способствовала упадку Афинской морской империи, но при этом вызвала к жизни новый религиозный культ — культ бога врачевания Асклепия, игравший важную роль в жизни греческого народа вплоть до IV в. н.э. и бывший религией спасения у греков до прихода христианства.

Эпидемии II и III вв., имевшие место в Средиземноморском мире, прежде всего «Антонинова чума» и «Киприанова чума», способствовали подрыву демографического потенциала Римской империи, ее экономической и военной мощи. Ответом на этот масштабный кризис стало широкое распространение христианства на территории Римской империи и последующее ее превращение в главную религию спасения Поздней Античности. Приход христианства продлил жизнь Римской империи, в частности на востоке, где ее историческим преемником стала христианская Византийская империя.

Эпидемия «Юстиниановой чумы» (541–750 гг.) стала наиболее значительным кризисом в восточной части Средиземноморья и на Ближнем Востоке, обозначившим переход от Античности к Средневековью. Охватив территорию Византии и Персидской империи Сасанидов, которые, кроме того, вступили в затяжное военное противостояние друг с другом, эта эпидемия способствовала распаду Персидской империи и подрыву могущества Византии. На территории, которые прежде контролировались этими империями, в первой половине VII в. пришла новая форма религии — ислам. Вследствие этого судьба восточного христианства была предрешена, и началась исламизация этого обширного региона.

Полученные научные выводы отличаются новизной. Они могут быть использованы в рамках дальнейших научных исследований по всеобщей истории, связанных с изучением истории эпидемий, а также изучением истории античного мира и истории мировых религий. Они могут быть также использованы в рамках преподавания курсов истории в вузе, в разделах, связанных с изучением истории античного мира и раннего Средневековья.

Благодарности

Материал подготовлен в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Список источников

1. McNeill W.H. *Plagues and peoples*. — New York: Anchor books, 1976. — 340 p.
2. Hays J.N. *Epidemics and pandemics: their impacts on human history*. — Santa Barbara, Ca.: ABC-Clio, 2005. — 513 p.
3. Hays J.N. *The burdens of disease: Epidemics and human response in Western history*. — New Brunswick: Rutgers university press, 2000. — 390 p.
4. Watts S. *Epidemics and history: Disease, power and imperialism*. — New Haven: Yale University Press, 1999. — 416 p.
5. Harrison M. *Disease and the modern world: 1500 to the present day*. — Cambridge: polity press, 2004. — 280 p.
6. Harrison M. *Contagion: How commerce has spread disease*. — New Haven: Yale university press, 2013. — 427p.
7. Гохман И.И. Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология — медицине / Под ред. Т.И. Алексеевой. — М.: Изд-во МГУ, 1989. — С. 5–15.
8. Ковешников В.Г., Никитюк Б.А. *Медицинская антропология*. — Киев: Здоровья, 1992. — 200 с.
9. Франкопан П. *Шёлковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий*. — М.: ЭКСМО, 2015. — 409 с.
10. Геродот. *История*. — Л.: Наука, 1972. — 599 с.
11. Гомер. *Илиада. Одиссея*. — М.: Художественная лит-ра, 1967. — 766 с.
12. Фукидид. *История*. — СПб.: Наука; Ювента, 1999. — 590 с.
13. Salway P., Dell W. *Plague at Athens // Greece & Rome, 2nd Ser.* — 1955. — Vol. 2 (2). — P.62–70.
14. Littman R.J., Littman M.L. *The Athenian plague: Smallpox // Transactions and proceedings of the American philological association*. — 1969. — Vol. 100. — P. 261–275.
15. Cartwright F.F., Biddis M.D. *Disease and history*. — New York: Barnes & Noble, 1972. — 280 p.
16. Poole J.C.F., Holladay A.J. *Thucydides and the plague: A footnote // The classical quarterly, new series*. — 1982. — Vol. 32 (1). — P. 235–236.

17. Wylie J.A.H., Stubbs H.W. The plague of Athens: 430-428 B.C. Epidemic and epizootic // *The classical quarterly, new series.* — 1983. Vol. 33 (1). — P. 6–11.
18. Longrigg J. Epidemics, ideas and classical Athenian society // Ranger T., Slack P. (eds.) *Epidemics and ideas: Essays on the historical perception of pestilence.* — Cambridge: Cambridge university press, 1992. — P. 21–44.
19. Couch H.N. Some political implications of the Athenian plague // *Transactions and proceedings of the American philological association.* — 1935. — Vol. 66. — P. 92–103.
20. Страбон. География. — М.: Наука, 1964. — 941 с.
21. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. — Т. 1. — СПб.: Алетейя, 1996. — 336 с.
22. Ковнер С.Г. История медицины. Вып. 1: Медицина Востока. Медицина в древней Греции до Гиппократов. — Киев: б.и., 1878. — 246 с.
23. Russel J.C. Late Ancient and Medieval population // *American philosophical society transaction.* — 1958. — Vol. 48 (3). — P. 1–152.
24. *The natural history of Pliny.* Transl. by John Bostock, H.T. Riley. Vol. IV. — London: Henry G. Bohn, York street, Covent garden, 1854. — 523 p.
25. McLaughlin R. Rome and the distant East: Trade routes to the Ancient lands of Arabia, India and China. — London: Continuum, 2010. — 236 p.
26. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. — М.: Наука, 1964. — 375 с.
27. Gilliam J.F. The plague under Marcus Aurelius // *The American journal of philology.* — 1961. — Vol. 82 (3). — P. 225–251.
28. Littman R.J., Littman M.L. Galen and the Antonine plague // *The American journal of philology.* — 1973. — Vol. 94 (3). — P. 243–255.
29. Duncan-Jones R.P. The impact of the Antonine plague // *Journal of Roman archaeology.* — 1996. — Vol. 9. — P. 108–136.
30. Изложение хроники Евсея Памфила // Творения блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 5. — Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1879. — С. 345–394.
31. Munoz-Sanz A. Marco Aurelio Antonino (121–180 d. C.), filósofo y emperador de Roma, y la peste de Galeno // *Enfermedades infecciosas y microbiología clinica.* — 2012. — Vol. 30 (9). — P. 552–559.

32. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. — 456 с.
33. Марк Аврелий Антонин. Размышления. — Л.: Наука, 1985. — 243 с.
34. Геродиан. История императорской власти после Марка. — URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Gerodian/01.php (дата обращения 15.03.2021).
35. Павел Орозий. История против язычников. Книги I–VII. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. — 544 с.
36. Harper K. Another eyewitness to the plague described by Cyprian, with notes on the “Persecution of Decius” // *Journal of Roman archaeology*. — 2016. — Vol. 29. — P. 473–476.
37. Harper K. Pandemics and passages to late antiquity: rethinking the plague of c.249–270 described by Cyprian // *Journal of Roman archaeology*. — 2015. — Vol. 28. — P. 223–260.
38. Harper K. *The fate of Rome: Climate, disease, and the end of an empire*. — Princeton: Princeton university press, 2017. — 440 p.
39. Творения св. Священномученика Киприана Епископа Карфагенского. — Киев: Типография Г.Т. Корчака-Новицкого, 1879. — Ч. 2. — 368 с.
40. Евсевий Кесарийский. Церковная история. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2013. — 544 с.
41. Risse G.B. *Mending bodies, saving souls: A history of hospitals*. — Oxford: Oxford university press, 1999. — 716 p.
42. Little L.K. *Life and afterlife of the first plague pandemic* // Little L.K. (ed.) *Plague and the end of Antiquity: The pandemic of 541–750*. — Cambridge: Cambridge university press, 2007. — P. 3–32.
43. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М.: Наука, 1993. — 570 с.
44. Агафий. О царствовании Юстиниана. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. — 219 с.
45. Евагрий Схоластик. Церковная история. Книги I–VI. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2010. — 672 с.

46. Сунцов В.В., Сунцова Н.И. Чума. Происхождение и эволюция эпизоотической системы (экологические, географические и социальные аспекты). — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. — 248 с.
47. Михель Д.В. Чума и эпидемиологическая революция в России: 1897–1914 // Вестник Евразии. — 2008. — № 3. — С. 142–164.
48. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы: В 2 кн. — М.: Вузовская книга, 2006. — Кн. 1. — 468 с.
49. Morony M.G. ‘For whom does the writer write?’: The first bubonic plague pandemic according to Syriac sources // Little L.K. (ed.) Plague and the end of Antiquity: The pandemic of 541–750. — Cambridge: Cambridge university press, 2007. — P. 59–86.
50. Kennedy H.N. Justinianic plague in Syria and the archaeological evidence // Little L.K. (ed.) Plague and the end of Antiquity: The pandemic of 541–750. — Cambridge: Cambridge university press, 2007. — P. 87–95.
51. Williams A.V. Zoroastrians and Christians in Sasanian Iran // Bulletin John Rylands library. — 1996. — Vol. 78 (3). — P. 37–54.
52. Brock S.P. Christians in the Sasanian empire: A case of divided loyalties // Studies in church history. — Vol. 18: Religion and national identity, 1982. — P. 1–19.
53. Sarris P. Empires of faith: The fall of Rome to the rise of Islam, 500–700. — Oxford: Oxford university press, 2011. — 428 p.
54. Феофилакт Симокатта. История. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 223 с.
55. Sarris P. Bubonic plague in Byzantium: The evidence of non-literary sources // Little L.K. (ed.) Plague and the end of Antiquity: The pandemic of 541–750. — Cambridge: Cambridge university press, 2007. — P. 119–132.
56. Howard-Johnston J. Witnesses to a world crisis: Historians and histories of the Middle East in the seventh century. — Oxford: Oxford university press, 2010. — 573 p.